

А.Л. Кошелева

Футуризм И. Северянин

Игорь Васильевич Лотарев (гражданское имя поэта) (1887–1941) родился 16 мая в Петербурге. Мать, Наталия Степановна Шеншина, в первом браке Домонтович, после смерти мужа генерала вышла замуж вторично за поручика Василия Петровича Лотарева. Образование будущий поэт получил в Реальном училище в Череповце. С детства очень любил театр. Стихи сочинять начал с восьми лет. В автобиографических заметках «Образцовые основы» Северянин писал:

«С 1896 года до весны 1903 года я провел преимущественно в Новгородской губернии, живя в усадьбе “Сойволе”, расположенной в 30 верстах от Череповца, затем уехал с отцом в Порт Дальний на Квантуне, вернулся с востока 31 декабря 1903 года в Петербург и начал посылать по различным редакциям свои опыты, откуда они, в большинстве случаев, возвращались мне регулярно».

Первая публикация состоялась в 1905 во втором номере солдатского журнала «Досуг и дело». Это было стихотворение «Гибель Рюрика», напечатанное под собственным именем: Игорь Лотарев. Первым талант начинающего поэта признал известный тогда поэт К. Фофанов, прочитавший в брошюре «для отзыва», которые И. Лотарев рассылал в разные концы в великом множестве, его стихи. Как-то в 1909 брошюра «Интуитивные краски» попала в руки обитателя Ясной Поляны — Льва Толстого — со стихами Северянина. Великому писателю стихи не понравились, и он с возмущением высказался о них в московской прессе.

«С тех пор, – признавался Северянин, – каждая моя новая брошюра тщательно комментировалась критикой на все лады, и с легкой руки Толстого ... меня стали бранить все, кому было не лень. Журналы стали охотно печатать мои стихи, устроители благотворительных вечеров усиленно приглашали принять в них — вечерах, а может быть, и в благотворителях — участие...»

И. Северянин приходит в русскую поэзию, когда авторитет, традиции, каноны символизма серьезно пошатнулись. Вступающие в литературу молодые поэты перестали считать незыблемыми образцами идеи и творческие приемы законодателей символизма — К. Бальмонта, Вяч. Иванова, Ф. Сологуба и др. Молодые слуги Музы ищут свой путь, группируясь по общности взглядов на искусство (футуристы, акмеисты).

И. Северянин в годы затянувшегося непризнания, печатая в периферийных изданиях свои первые поэтические опыты, которые мало кто читал, совершил отчаянный шаг. Он вышел на эстраду и стал читать свои стихи. В жажде славы исколесил пол-России, завоевывая поклонников своего таланта. Постигая тайны успеха, создал свой беспроектный имидж почитаемого временем «мистика» в длинном черном сюртуке, с бледным лицом и отрешенным взглядом. Но козырем его был необыкновенный голос с «завываниями». На слушателей он действовал магически. Мемуаристы вспоминают, что даже в годы глубокого забвения Северянина, несмотря на то нелепое впечатление, которое он производил на эмигрантскую публику, последняя неизменно попадала под чары его волшебного голоса. Он не читал, а почти пел свои стихи, уводя, словно сирена, в диковинные края, рисуя упоительные утопии, где «облака как белолиии», «скользит в аметисте луна», где можно «парить в лазоревом просторе со свитой солнечных лучей», «пить златистогрезный черный виноград» или:

Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...
Королева играла — в башне замка — Шопена.
И, внимая Шопену, полюбил ее паж...

Время первых десятилетий располагало к утопиям и легендам. События мелькали, как картинки в калейдоскопе. Войны, политические междуусобицы, «пророки» и «исцелители», чудеса земной техники и первые летательные аппараты... «Стрекот аэропланов! Беги автомобилей! Вертопросвист чкспрессов! Крылолет буеров!», – вторит этому модный поэт. Теории, реанимирующие христианство, ожидание Мессии — все это смешалось, будоражило, до предела раскаляло общественную атмосферу. Легко было не только поверить в миф, но и стать его героем.

Северянин, как и многие кумиры времени, всплыл на волне всеобщей истерии. Толпы экзальтированных поклонниц, осаждавших его автомобиль, шквалы цветов, торжественные проезды по улицам городов — в его успехе было что-то бутафорское. Впрочем, театральностью была пронизана вся жизнь.

Это было время великолепного маскарада культуры, закружившего персонажей всех эпох, Серебряный век русского искусства, за каких-то два десятилетия пробежавшего от античности до футуризма.

В ярком свечении карнавала мелькали забытые маски Пьеро и Арлекина, вызволенные на свет Блоком и Мейерхольдом, собирались искатели невидимого града Китежа (опера Римского-Корсакова), провозглашалась футуристическая «заумь», на весь мир славился знаменитый «дягилевский» балет, в ностальгических фантазиях «мирискусников» оживал Версаль. В этом бесконечном оргиастическом хороводе кружился и И. Северянин с его грезным миром «лесофей», «золотистых вуалей» и «ананасов в шампанском».

Искусство изощренно декорировало распад целой культурной эпохи, создавая упоительные фантазии (Симфонии А. Белого, поэзы И. Северянина), несущие в себе дорогие черточки уходящего в небытие мира. Поэт И. Северянин особенно интересен тем, что был одним из самых ярких героев канувшей в Лету русской Атлантиды.

И. Северянин представляет особое направление русского футуризма. В 1911 году он объявляет о создании эгофутуризма, опубликовав свой манифест, пункты которого сводились к следующему.

- душа — единственная истина;
- самоутверждение личности;
- поиски нового без отвергания старого;
- осмысленные неологизмы;
- смелые образы, эпитеты, ассонансы и диссонансы;
- борьба со «стереотипами» и «заставками»;
- разнообразие метров.

Как лидер этого нового течения, Северянин назначил «Директорат эгофутуризма», куда вошли поэты: Константин Олимпов, Грааль Арельский и Георгий Иванов. Кубофутуризм возник несколькими месяцами позже (А. Крученых, братья Бурлюки, В. Маяковский, В. Хлебников).

Внимательно следил за возникновением послесимволистских объединений поэтов В. Брюсов. В 1911 году он пишет И. Северянину письмо с просьбой выслать все брошюры его стихов. К письму Брюсов приложил три тома своих стихов, роман «Огненный ангел» и книгу переводов из Поля Верлена. Титульный лист первого тома стихов украшала надпись: «Игорю Северянину в знак любви к его поэзии. Валерий Брюсов». Молодой поэт был буквально окрылен этим посланием «поэта, достигшего вершины славы...».

Между мэтром уходящего символизма и лидером эгофутуризма завязывается переписка. В 1912 году по приглашению Брюсова И. Северянин приезжает в Москву и выступает с чтением стихов в литературно-художественном кружке. Это было начало признания Северянина москвичами. Событием в русской поэзии стал первый поэтический сборник И. Северянина «Громокипящий кубок» (М., «Гриф», 1913). Название сборнику дали строки из стихотворения Ф. Тютчева «Весенняя гроза». Радостную атмосферу

обновления мира передают почти все стихи сборника, но особенно стихотворение «Весенний день»:

Душа поет и рвется в поле,
Я всех чужих зову на «ты»...
Какой простор! Какая воля!
Какие песни и цветы!
Шумите, вешние дубравы!
Расти, трава! Цвети, сирень!
Виновных нет: все люди правы
В такой благословенный день!

Один из законодателей символизма, Федор Сологуб, написал предисловие к этому сборнику, приветствуя рождение еще одного талантливого поэта:

«Появление поэта радует, и когда возникает новый поэт, душа бывает взволнована, как взволнована бывает она приходом весны...»

В. Брюсов откликнулся на сборник хвалебных рецензией в «Русской мысли». А Блок назвал талант автора «кубка» — «настоящим, свежим, детским» Лидер акмеизма Н. Гумилев писал в журнале «Аполлон»:

«Игорь Северянин — действительно поэт... Что он поэт — доказывает богатство ритмов, обилие образов, устойчивость композиции, свои, и остро пережитые, темы».

Сборник «многоголосый»: здесь взаимодействуют различные лирические начала (любовная, пейзажная, патристическая, философская, монографическая), а иногда лирическое сменяет ирония или самоирония:

Каждая строчка — пощечина. Голос мой — сплошь издевательство.
Рифмы слагаются в кукиши. Кажет язык ассонанс.
Я презираю вас пламенно, тусклые Ваши Сиятельства,
И, презирая, рассчитываю на мировой резонанс!

Применяясь и потрафляя поклонявшейся полумещанской-полуинтеллигентной публике, поэт иронизирует и издевается над ней.

Не менее зла и самоирония:

Я в комфортабельной карете, на эллипсических рессорах,
Люблю заехать в златополдень на чашку чая в жено-клуб,
Где вкусно сплетничают дамы о светских дрызгах и о ссорах,
Где глупый вправе слыть не глупым, но умный непременно глуп...

И я, сравнив себя со всеми, люблю клуб дам не потому ль?

В большой степени И. Северянин традиционен: заметно подражание то К. Фофанову, то Мирре Лохвицкой, то Апухтину или кому-нибудь из символистов. Его эгофутуризм разве что сводится лишь к северянинскому жаргону: неожиданные словосочетания, музыкальные распевности («Я выпил грез фиалок фиалковый фиал...»); «Истомленно лунятся: то — Верлен, то — Прюдом»; «Офиалчен и олилеен озерзамок Мирры Лохвицкой»; «Весело, весело сердцу! звонко, душа, освирелься!»; «Когда взвуалиться фиоль, офреля ручеек...», — все это к тому же перенасыщено неожиданными неологизмами («фиал» «офиалчен», «олилиен», «освирелься», «вззуалиться фиоль» и т. д.)

Однако сколько поэтической новизны, художественного совершенства в разнообразных в жанровом отношении посвящениях природе. Трогательна поэма-сонет «О незабудках»:

Поет июнь, и песни этой зной
Палит мне грудь, и грезы, и рассудок,
Я изнемог и жажду незабудок,
Детей канав, что грезят под луной
Иным цветком, иною стороной.

Я их хочу: сирени запах жуток,
 Он грудь пьянит несбыточной весной;
 Я их хочу: их взор лазурный чуток
 И аромат целебен, как простор.
 Как я люблю участливый их взор!
 Стыдливые, как томны ваши чары...
 Нарвите мне смеющийся букет, —
 В нем будет то, чего в сирени нет,
 А ты, сирень, увянь в тоске нектара.

И рефрен «Я их хочу», и свежие яркие эпитеты («лазурный», «стыдливые», «томны», «смеющийся»), и неожиданные сравнения («Детей канав, что грезят под луной») — все воссоздает неповторимый образ уголка родной природы. Не менее совершенна сказка «Душистый горошек»:

Прост и ласков, как помыслы крошек,
 У колонок веранды и тумб
 Распускался душистый горошек
 На взлелеянной пажити клумб.
 И нечаянно или нарочно,
 Но влюбился он в мрамор немой,
 Точно был очарован он, точно
 Одурачен любовью самой!
 Но напрасно с зарей розовел он,
 Обвивая бесчувственный стан:
 Не для счастья камень был сделан,
 И любить не умел истукан...

«Грубый мрамор» предпочел мох, а вихрь, подслушав желание каменного истукана, «порешил изменить его вид». Глубоко психологично иносказание финала сказки:

Взял он в свиту песчинки с дорожек
 И шутивно на старца напал, —
 И опал разноцветный горошек,
 Алым снегом мечтаний опал!..

Любовь — главная тема «Громокипящего кубка». Она раскрывается и через лирическое «я», и в ряде запечатленных стихом романсов («Это было у моря», «Кензель», «Соната в шторм», «Валькис и Валтасар», «Вернуть любовь» и др.). Последнее из перечисленных стихотворений — это и исповедь, и философия любви.

...Но грешники — безгрешны покаяньем,
 Вернуть любовь — прошение вернуть.
 Но как боюсь я сердце обмануть
 Своим туманно-призрачным желаньем:
 Не месть ли то? Не зависть ли? Сгубить
 Себя легко, и свет с небес не видеть...
 Что ж это: зло старается любить
 Или любовь мечтает ненавидеть?..

Есть в этом сборнике стихотворения, которые позволяют судить об И. Северяnine не только, как о поэте любовных грез и «ананасов в шампанском». Пронзительная боль за родную землю, ее народ обнажена в стихотворении «А знаешь край?» Стихотворение построено как ответ на строки А.К. Толстого «Ты знаешь край, где все обильем дышит?»:

...А знаешь край, где хижины убоги,
 Где голод шлет людей на тяжкий грех,
 Где вечно скорбь, где лица вечно строги,
 Где отзвучал давно здоровый смех
 И где ни школ, ни доктора, ни книги,
 Но где — вино, убийство и... вериги?..

Эти строки помогают понять смысл другого стихотворения, когда автор сбрасывает нарядные одежды своего имиджа, окончательно противопоставляя себя той изысканной лживой толпе, которая так почитала и славилась его:

Я не лгал никогда никому,
Оттого я страдать обречен,
Оттого я людьми заклемен,
И не нужен я им потому.
...Мне чужды и любовь, и почет
Тех, чья мысль — это лживый закал.
И не знаю дороги туда,
Где смеется продажная лесть.
Но душе утешение есть:
Я не лгал никому никогда...

Заканчивается сборник «Эпилогом», несколько строк которого стали удобной мишенью для критики и пародистов:

Я, гений Игорь Северянин,
Своей победой упоен:
Я повсеградно озкранен!
Я повсесердно утвержден!
От Баязета к Порт-Артуру
Черту упорную провел.
Я покорил литературу!
Взорлил, гремящий, на престол!

Но далее, в последующих строках, вновь продолжается тема противопоставления себя «толпе холопов», и слово поэта рвется в другие, еще неизвестные и светлые «просторы»:

...От пыли отряхаю обувь,
И вновь в простор — стезя моя.
Схожу насмешливо с престола
И, ныне светлый пилигрим,
Иду в застенчивые доли,
Презрев ошеломленный Рим.
Я изнемог от лстивой свиты,
И по природе я взалкал.
Мечты с цветами перевиты
Росой накоплен мой бокал...

Войну 1914 года И. Северянин не славил и не проклинал. Его даже пытались обвинить в безответственности. Но это скорее всего не «безответственность», а желание остаться в маске шута на этом кровавом, никому не нужном пиру:

Друзья, но если в день убийственный
Падет последний исполин,
Тогда, ваш нежный, ваш единственный,
Я поведу вас на Берлин!..

Почти три года прошагал И. Северянин по дорогам первой мировой войны, сполна испытав на себе бремя солдатчины И лишь Брестский мир прервал империалистическую бойню 3 мая 1918 И. Северянин писал о «Ленине как миротворце»:

...Я вне политики, и, право,
Мне все равно, кто б ни был он.
Да будет честь ему и слава,
Что мир им, первым, заключен.

После «Громокипящего кубка» выходят в свет один за другим сборники — «Златолира» (1914), «Ананасы в шампанском» (1915), «Виктория Регия» (1915), «Поэзо-антракт» (1915), «Гост безответный» (1916). На волне славы Северянин публикует

не только новые стихи, но и много старых, без какого-либо критического отбора. Эстрадно-богемная тематика все более вытесняет светлое восприятие мира, ту «детскость», о которой когда-то писал А. Блок. Не замедлил откликнуться его первый и суровый наставник — В. Брюсов. В статье «Игорь Северянин» (1916) В. Брюсов писал:

«Ошибки против вкуса обезобразят самое вдохновенное художественное создание... Между тем именно доброго вкуса и не достает в стихах Игоря Северянина... Не всегда ясно, иронически ли изображает поэт людскую пошлость, или, увы! сам впадает в мучительную пошлость».

Резким было замечание патриарха русской поэзии по поводу «отсутствия знаний», «неумения мыслить». Это было убедительное размышление над явлением поэзии, имя которому — Игорь Северянин.

В начале тяжелого, голодного 1918 года И. Северянин вместе с большой матерью выехал из Петрограда в эстонский поселок Тойла. А в феврале 1920 года Эстония объявила себя самостоятельной республикой, и поэт оказался по ту сторону российской границы. И. Северянин продолжал считать себя «просто дачником», но ход времени готовил свой приговор, который обернулся для поэта подлинной трагедией: ни «белым», ни «красным» он оказался не нужным. Но быть нужным истинному поэту просто необходимо. В феврале 1920 года И. Северянин дал поэзо-вечер в актовом зале старинного университета Тарту, на котором присутствовали видные представители эстонской литературы. Жизнерадостность стихов оказалась близка молодежи, восхищались, много аплодировали.

В том же Тарту 21 декабря 1921 года И. Северянин обвенчался в Успенском соборе с Фелиссой Круут, жительнице Тойла. Она была начитанна и красива, сама писала стихи. Помогала и супругу: составляла ему подстрочники для перевода с эстонского. В Тойло они прожили 15 лет, и надо сказать, счастливо. Северянин посвятил любимой женщине лучшие свои стихи о любви:

...А в глазах твоих —
Ветер с моря и поле ржаное.
Ты совсем не похожа на женщин других,
Почему мне и стала женою...

Женитьба окончательно связала Северянина с Тойло, которое он часто посещал и до революции как дачное место, где очень любили отдыхать петербуржцы. Поэт любил залитые солнцем окрестные луга, высокие сосны, берег, с которого открывался прекрасный вид на море. Северянин много писал. Стал шире творческий диапазон, а само творчество — многожанровым: лирика, написана интересная стихотворная комедия «Плимут-рок», три романа в стихах — «Падучая стремнина», «Колокола собора чувств», «Роса оранжевого часа». Рыбная ловля, дальние прогулки с женой, прием гостей, творчество — так проходили годы.

С начала 20-х годов, обычно зимой, И. Северянин предпринимал поездки за границу, где и выступал с поэзо-вечерами. Это были концертные залы Латвии, Литвы, Финляндии, Польши, Германии, а позднее — Югославии, Румынии, Болгарии, Франции. Северянина всюду сопровождал успех, но ему самому казалось, что это лишь эхо российской славы. И публика была не по душе. В письме к московскому другу, поэту Георгию Шенгели Северянин писал:

«Да, лирическое не в чести... Тиража книг нет... Аплодируют не содержанию — голосу: его пламени, его негодованию, его нежности беспредельной, всему тому, чего сами не имеют, перед чем подсознательно трепещут, чего боятся. Двухное зверье...»

В эстонский период поэзия И. Северянина освобождается от разного рода эстрадных изысков, стих становится простым, точным, емким. Но поэта точила ностальгия: Россия была рядом, туда спешил по Финскому заливу пароход, а он не мог сесть в поезд и выехать в родной город на Неве. Рождаются горькие, но полные патриотического пафоса строки:

Ты потерял свою Россию,
 Противопоставил ли стихию
 Добра стихии мрачной зла?
 Нет? Так умолкни: увела
 Тебя судьба не без причины
 В края неласковой чужбины.
 Что только охать и тужить —
 Россию нужно заслужить!

Творчество Северянина эстонского периода, тем более позднего, мало известно. Книги, выходявшие за рубежом: «Менестрель» (1921); «Миррэлия» (1922); «Фея Еиоле» (Берлин: 1922); «Медальоны» (1934) и др. — не имели отечественных переизданий.

В 1990 году, в Москве, в главной редакции театральной литературы — «ТОМО» — была издана, вернее переиздана, книга поэт Северянина — «Соловей» (1923). Издание это стало библиографической редкостью, и вышедшая сейчас у нас книга И. Северянина позволит сократить дистанцию между реальным творчеством поэта и нашими представлениями о нем.

Сборник открывается программным стихотворением «Интродукция», давшим название книге, стихотворением, которое определяет лейтмотив всего творчества поэта — певца радости, «певца весны»:

...Я — соловей, я — сероптичка,
 Но песня радужна моя.
 Есть у меня одна привычка:
 Влечь всех в нездешние края.
 ...Я — соловей, и, кроме песен,
 Нет пользы от меня иной.
 Я так бессмысленно чудесен,
 Что Смысл склонился предо мной!

Содержание этого сборника в основном составили стихи монографической лирики («Валерию Брюсову», «Стихи Ахматовой», «Лира Лохвицкой», «Бальмонт», «Сологуб», «Гиппиус», «Пять поэтов», «Василию Каменскому», «Георгию Шенгели» и др.) и пейзажной («Эст-Тойла», «Февраль», «Реченка», «Март», «Синее», «Рыбная ловля», «В парке», «У моря», «К морю», «В деревне» и др.).

Монографическая лирика более чем познавательная. Северянин — внимательный и тонкий художник и одновременно — глубокий психолог. Всего несколькими меткими штрихами он воссоздает суть творца или просто человека. «Усталость» А. Ахматовой, «настоящая боль» стихов Мирры Лохвицкой, «огневые взлеты» «стихийной души» К. Бальмонта, «великий ритор и мудрец» В. Брюсов, «изысканнейший рисовальщик, провидец существа людей» Ф. Сологуб, с вечно «насмешливым умом» «блистательная Зинаида» Гиппиус, «Во всеоружьи блеска стиля» Вяч. Иванов, таинственный А. Белый, «отчетлив и приятно-свеж» И. Бунин, «Кузмин изломан чрезмерно», «повелительно-острый, живописный» Н. Гумилев.

Можно сказать, что обнажалась душа поэта наедине с изумительной природой окрестностей Тойлы, Природа русского Севера восхищала и врачевала его:

Вы, изнуренный в тяжелых
 Условьях жизни городской,
 Ко мне придите: край мой елов,
 В нем — Красота, а в ней — покой...

(«В хвойной обители»).

Так чувствовать природу, ее ход, жизнь мог только человек, способный раствориться в ней: если в стихотворении «Февраль» лишь «вздрыгнула весна», то в марте («Март») «все к созиданью возродилось», «поля весенний луч теплом измаял, — и зеленеет вновь земля, и море в день обезольдилось...»

А как богата, выразительна, как само северное сияние, палитра красок, воспроизводящая «мудрую, простую, но и гордую» «Царицу Красоты» — природу северного края:

Лилово-стальные заливы
В подковах озерных гор;
В них зорь полярных переливы,
Меж сосен белой розы взор.
И синеглазые газели,
Чьи игры созерцает лось,
Устраивают карусели,
Где с серым синее слилось...

Заядлый рыбак, чаще по желанию, а иногда и по нужде (рыба была главным средством существования, в тяжелые годы непризнания), он поэтизировал, воспел это пристрастие многих любителей природы, зная «характер каждой рыбы», ее «привычки и устав»:

И любящий раKITный локон,
Глубокий теневой затон,
Отчаянно рвет леску окунь,
И всех сильнее бьется он.
Рыб всех глупей и слабавольней
Пассивно держится плотва.
А стерлядь на подобье молний
Скользнув, песком ползет едва...

Любовная лирика в сборнике «Соловей» представлена сонатой «Озелина», состоящая из семи небольших поименованных глав («Встреча», «Наивность», «Первое свидание», «Вкушение», «Восторг», «Второе свидание», «У зеркала»), каждая из которых правдиво и ярко передает поступательное, ничем не удержимое развитие чувства женской любви — от рождения до финала:

Лишь я увидела тот взгляд,
Во мне вдруг что-то задрожало,
И заструился сладкий яд
Вкруг сердца, выпуская жало...

Осознание своего творческого пути передано в стихотворениях «Интродукция», «Опять вдали», «Былое», «Лейтмотивы», «Рескрипт короля», «Василию Каменскому», «Не оттого ль?», «Чары соловья», «Возрождение», «Финал».

«Рескрипт короля» возвращает поэта к очень важному для его творческой судьбы событию, когда 27 февраля 1918 года в зале Политехнического музея восторженная публика провозгласила Игоря Северянина королем поэтов, вторым был В. Маяковский. К своему избранию Северянин тогда отнесся серьезно. Это был пик его всероссийской славы:

Отныне плащ мой фиолетов,
Берета бархат в серебре:
Я избран королем поэтов
На зависть нудной мошкаре...
В душе — порывистых приветов
Неисчислимое число,
Я избран королем поэтов —
Да будет подданным светло!

Однако в стихотворении «Возрождение» Северянин говорит о рождении другого поэта, поэта, вернувшегося на землю:

Величье мира — в самом малом.
Величье песни — в простоте.
Душа того не понимала,
Нераспятая на кресте...

В заключительном стихотворении сборника «Финал» продолжается тема нерасторжимой связи поэзии и жизни, жизни и поэзии:

Неисчерпаемая тема
Ждет всей души, всего ума.
Поэма жизни — не поэма:
Поэма жизни — жизнь сама!

Из изданных за границей книг лучшей книгой И. Северянина является «Классические розы» (Белград, 1931). Она вобрала в себя все наблевшее, выношенное. С нежной грустью, с лирическим подъемом вспоминает поэт былое, Родину: «Стихи Москве», «Страничка детства», «В тот май», «Пасха в Петербурге», «Перед войной», «Мариинский театр».

Наперекор всему поэт верит в возрождение России, таящей великие возможности духовного:

На восток, туда, к горам Урала,
Разбросалась странная страна,
Что не раз, казалось умирала, —
Как любовь, как солнце, как весна.
И когда народ смолкал сурово
И, осиротелый, слеп от слез,
Божьей волей воскресала снова, —
Как весна, как солнце, как Христос!

Это строки стихотворения «Предвоскресенье», которые нашли свое продолжение в стихотворении «Слова солнца»:

...И, в восторге метнув в воздух луч, как копье
Золотое, слова всеблагие
Скажет солнце с небес: «В воскресенье свое
Всех виновных прощает Россия!

Другой лирический пласт, в книге «Классические розы», очень важный для творческого становления автора, — его размышления о судьбе, прежде всего своей («Что нужно знать», «Десять лет», «Отечества лишенный»), они горьки, поэт мучается вынужденным одиночеством, отсутствием сторонников, слушателей его Музы:

...И сам себе себя читая,
Версту глотаю за верстой...

(«В пути»)

Многие стихи этого сборника необыкновенно мелодичны, музыкальны: «Мария», «Серебряная соната», «Не более, чем сон», «Узор по канве», «Зовущаяся Грустью», «Играй целый вечер». Классикой русской поэзии стали такие стихи сборника, как «Все они говорят об одном», «Тишь двоякая», «Как хорошо» и стихотворение, давшее название сборнику (с эпиграфом из Мятлева). — «Классические розы»:

Но дни идут — уже стихают грозы.
Вернуться в дом Россия ищет троп...
Как хороши, как свежи были розы
Моей страной мне брошенные в гроб!

Высокую оценку творчества И. Северянина 1930-х годов дала М. Цветаева, слышавшая его чтение в Париже:

«От лица правды и поэзии приветствую Вас, дорогой... Вы стали поэтом больших линий и больших вещей. Вы открыли то, что отродясь Вам было приоткрыто — природу... От всего сердца своего и от всего сердца вчерашнего зала — благодарю Вас, дорогой» («Неотправленное письмо Игорю Северянину»).

За рубежом Северянин издал семнадцать книг, но выходили они малыми тиражами и не всегда окупали сами себя. Весь заработок «съедали» дороги, проживание в отелях, и на это Северянин не скупился, будучи в роли «короля поэтов». Поэта частично поддерживал фонд Рахманинова, частично субсидировали частные лица и государственный фонд Эстонской республики, но призрак нищеты все настойчивее преследовал его. В 1935 году Северянин стал жертвой хорошо не продуманного поступка: произошел разрыв с Фелиссой Круут. Он покидает Тойла и поселяется с новой спутницей жизни, Верой Борисовной Коренди, в Таллине. Все в Таллине утомляло и раздражало Северянина, привыкшего жить и творить на лоне природы. Ему было запрещено писать и звонить в Тойло. Да и Ф. Круут не могла простить его. Для поэта наступили трудные годы: его не издавали; потеряв уют и тепло дома Круут, покинув Таллин, он живет теперь в деревушке Сааркюла на реке Россонь близ Нарвы. О тяжелом внутреннем состоянии И. Северянина в этот период говорят строки стихотворения «Туманный день»:

Стала жизнь совсем на смерть похожа:
Все тщета, все тусклость, все обман.
Я спускаюсь к лодке, зябко ежась,
Чтобы кануть вместе с ней в туман...

В письмах этого периода к друзьям (Вс. Рождественскому в Ленинград, Г. Шенгели в Москву) он постоянно жалуется на одиночество и нужду. Действительно, жил он, перебиваясь продажей своих книг и рыбы дачникам. Подлинная боль слышится в интервью Игоря Северянина Игорю Лотареву в 35-летний творческий юбилей.

«Вы что-нибудь пишете? — Почти ничего... Издателей на настоящие стихи теперь нет. Нет на них и читателя... Еще один вопрос — на какие же средства. Вы существуете? — На средства Святого Духа, — бесстрастно произнес Игорь Северянин» («Вести дня». — Таллин, 1940).

Поэт умер в оккупированном немцами Таллине 20 декабря 1941 и похоронен на Александро-Невском кладбище. На могильной плите выбиты строки:

Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!

Россия не забыла своего талантливую и поневоле блудного сына; большими тиражами выходят в различных издательствах однотомники поэта и не пылятся на полках книжных магазинов. Давно забыт презрительный термин вульгарно-социологической критики — «северянинщина». Почему И. Северянин интересен современному читателю? Его друг, Г. Шенгели на это попытался ответить так:

«...Был наиболее темпераментным выразителем общественной бодрости и наэлектризованности как мироощущения».

Доля истины, конечно, в этом есть. На фоне поэзии символистов, с ее «тайнами» и «безднами», с ее мифологическими образами, акмеистов, с их первоприродой и перво-человеком, стихи и поэмы И. Северянина были доступными пониманию, создавали настроение радости, счастья бытия, особенно в стихах о весне и любви. И время показало, что Северянин никогда не был разрушителем достойных традиций в национальной поэзии. Это подтверждает и манифест эгофутуризма, и лучшие сонеты из книги «Медальон», в которых И. Северянин дает высокую оценку творчеству Пушкина, Тютчева. Кольцова, Блока, Бунина... И. Северянин не мыслил себя без Родины, без России, и эта бескрайняя, преданная любовь стала лучшими строками его стихов:

Я — русский сам, и что я знаю?
Я падаю. Я в небо рвусь.
Я сам себя не понимаю,
А сам я — вылитая Русь»

(«Бывают дни»)

И вот это «русское» в творчестве И. Северянина — бессмертно, и его след в национальной русской поэзии XX века по-своему ярк и неповторим.